

Ирина Владимировна Щеглова

Сказка для звезды

Текст предоставлен издательство "Эксмо"
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=163387
Сказка для звезды: Эксмо; М.; 2008
ISBN 978-5-699-26592-3

Аннотация

Ленка влюбилась! В классе все с удовольствием обсуждали подробности. А Ленка ходила за Никитой с таким восторженным выражением на лице, что за нее становилось даже как-то неловко. Она говорила только о Никите, интересовалась только им и думала, по-моему, только о нем. После того злополучного вечера, когда я оставила их вдвоем, у Ленки совсем поехала крыша... Ну и что мне теперь делать? Лучшая подруга мечтает о моем парне!

Содержание

Вместо пролога	5
Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	13
Глава 4	18
Глава 5	21
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Ирина ЩЕГЛОВА

СКАЗКА ДЛЯ ЗВЕЗДЫ

Вместо пролога

В класс пришли две новенькие. И хотя классная представила обеих, но все Никитино внимание было поглощено одной. Бывает же так: идешь в школу первого сентября, и учиться тебе вовсе не хочется, и вообще... Глаза бы не смотрели на эти стены, лестницы, кабинеты, на столы и стулья!

Но лето кончилось, и, хочешь не хочешь, приходится, позевывая, тащиться вместе со всеми на школьный двор, стоять в толпе у крыльца, слушать надоевшие традиционные речи директрисы и учителей.

И не то, чтобы Никита совсем не любил школу, нет. Все-таки здесь учился он, здесь учились его друзья. Но, с другой стороны, какая тоска! После беспечного и свободного лета снова погружаться в эту привычную рутину: уроки, домашние задания и всякая другая нудятина...

Учиться, конечно, надо, но Никита не прочь был еще поотдыхать.

Вот так чувствовал себя в первый день нового учебного года девятиклассник Никита Андреев, пока не увидел Ее.

Глава 1

Новенькие. Катя

Честно говоря, было страшновато.

Какими они окажутся: мои новые одноклассники?

Если бы не Лена, я бы чувствовала себя совсем неуютно. Но так как она боялась еще больше, чем я, то приходилось все время успокаивать ее, из-за этого собственный страх как-то забывался.

Всю жизнь я прожила на другом конце города и с первого класса по восьмой ходила в одну школу, недалеко от дома. И вот, летом родители купили новую квартиру, куда мы и переехали в августе. Хорошо еще, что в этом же доме поселилось и Ленкино семейство. Хоть одна родная душа.

Раньше она училась в параллельном классе. Мы не были подругами. Так, здоровались – и все. Но переезд нас объединил.

Дело в том, что Ленка оказалась ужасной трусихой. И те несколько дней, что мы провели с ней вместе, готовясь к новому учебному году, бегая с документами по школе, знакомясь с директором и классной, – все эти дни Ленка то и дело начинала трястись, бледнела, хваталась за голову, шептала о каких-то ужасах, ожидающих нас в новой школе, и вообще была неадекватна.

Пришлось всё взять в свои руки.

Мне не привыкать. Я еще в детском саду характер показывала. Другие дети капризничали, не хотели идти, спали на ходу. А я ходила в сад, как на работу. Надо, значит, надо!

Меня старостой выбирали с первого класса. Говорили, что я очень ответственная. Ну, не знаю, может, не столько ответственная, сколько обязательная. Я все стараюсь сделать хорошо.

Никакого подхалимажа! Учителя меня даже слегка побаивались. Маме говорили: «У вашей дочери на все есть собственное мнение. Она не признает авторитетов, не уважает старших...» и прочее. Неправда. Старших я уважаю, если их есть за что уважать. Но требую, чтоб меня тоже уважали.

Я всегда хорошо училась. Некоторые за глаза называли меня ботаничкой. Но лично я не могу себе позволить плохо учиться. И мне неприятно, когда кто-то не знает урока, мнетяся у доски, мямлит или паясничает. Не нахожу ничего смешного. Что хорошего выставлять себя дураком или дурой? Если я чего-то не понимаю, то всегда спрашиваю у мамы или папы. И, если быть совсем уж честной, математику делаю с мамой, а литературу – с папой. Но я не тупо списываю, стараюсь разобраться. Буду сидеть над уроками весь вечер, но не брошу, пока не пойму заданный материал.

И врунов я тоже не люблю. Знаете, натворят всяких мелких пакостей, а потом прячутся или выкручиваются, ноют, стараются выглядеть несчастными. Нет. Это не по мне. Такой уж у меня характер. Даже мама говорит, что я всегда добиваюсь того, что хочу. Но разве это плохо?

Кто-то может предположить, что с таким характером у меня нет друзей, и будет не прав. Друзей у меня много. По крайней мере, было до сих пор. И вообще у меня всегда все хорошо и правильно.

– Держись ко мне поближе, – напутствовала я Ленку. – Ничего, не съедят.

Лена вздохнула и опустила голову.

Мы вошли на школьный двор и стали высматривать нашу классную. Заметив ее, я пошла сквозь толпу, за мной прицепом тянулась Ленка.

Сначала классная не заметила нас, и мы всю линейку простояли поодаль, наблюдая за будущими одноклассниками. Ленка пряталась за моей спиной, она гораздо ниже меня ростом, да к тому же еще и худенькая. Эдакая серая мышка в очках, хвостики по бокам, как ушки. И одевается во все серенькое, чтоб казаться незаметнее.

А вот я так и не смогла похудеть. В прошлом году чуть до дистрофии себя не довела. Поехали с родителями на юг. А перед этим я дала себе слово похудеть. В день я съедала чашку ягод – и все! Взрослые не смогли переубедить меня. Как же я на них злилась! Они постоянно устраивали какие-то застолья, непременно ставили передо мной всякие вкусности, уговаривали попробовать хотя бы кусочек. Но я не отступала.

Иногда я позволяла себе съесть яйцо, но, естественно, никакого хлеба, мяса или сладкого. К концу лета я превратилась в скелет. Потом началась школа, а мама уехала в командировку. Получилось, что мы с ней не виделись почти два месяца. Когда она увидела меня, то пришла в ужас. Они долго совещались с папой и бабушкой. Бабушка у меня врач, тогда я и услышала впервые это слово – дистрофия. Нет, я слышала его и раньше, но не по отношению к себе. То есть я не задумывалась о значении этого слова, не думала о нем, как о болезни. Так, отвлеченное понятие, не больше.

Бабушку я бы не послушала. По-моему, она перестраховщица. К тому же сама постоянно говорит, что не любит врачей. Смешно!

Но мама...

Мама долго уговаривала меня, объясняла, рассказывала, подсовывала соответствующую литературу. В конце концов я сдалась. Со мной явно что-то было не так. Я чувствовала себя усталой, разбитой, у меня то и дело кружилась голова, я часто простужалась. Мой организм боролся из последних сил. И я сдалась.

Несколько месяцев мама осторожно откармливала меня, возвращая к нормальному режиму питания. В итоге я ношу вещи на размер больше маминых. Зато я перестала заикливаться на похудении. Какая есть, такая есть.

Пока я увлекалась воспоминаниями о себе любимой, линейка кончилась, и все пошли в актовый зал, там для первоклашек старшеклассники показали спектакль, сказку, которую сами придумали и поставили. Народу набилось битком. Тут и родители, и учителя, и мы, конечно. Малыши смотрели восторженно, широко распахнутыми глазами. Мамы и папы вовсю снимали своих чад фотоаппаратами и камерами, то и дело сверкали вспышки.

После представления зрители долго и сосредоточенно хлопали, несколько раз вызывали актеров. Их было пятеро, трое ребят и две девушки. Сказка была так себе, из школьной жизни. Ничего особенного, но видно было, что ребята старались, и принимали их очень хорошо. Мы с Ленкой тоже похлопали. Я про себя отметила, что при школе есть что-то типа театральной студии, надо бы узнать потом. Я не очень интересуюсь театром, но Ленка, я знаю, мечтает стать актрисой. Она как-то призналась мне, причем так испугалась своего признания, так жалела о сказанном, что я даже растерялась. Как можно пугаться своей мечты? Да, надо определенно устроить Ленку в студию. Пусть привыкает. Но пока я не стала говорить ей об этом.

После спектакля мы наконец попали в свой новый класс.

Когда на тебя обращены глаза всех учеников класса, чувствуешь себя неуютно. Тут главное – не растеряться. Я внимательно осмотрела весь класс и повернулась к учительнице.

– Познакомьтесь, – представила нас классная, – Катя Логинова и Лена Маслова.

Я слегка кивнула и улыбнулась. Ленка все еще жалась к моему боку.

– Садитесь, девочки, – сказала классная.

Я увидела, что первый стол у окна был свободен и уверенно потащила Ленку к нему.

– Может, лучше назад? – испуганно пискнула она.

Я покачала головой. Нет уж, мы сразу поставим себя и покажем, что ничего не боимся.

Первым уроком, как всегда и везде, был классный час. Пока учительница говорила о том, что нам предстоит в новом учебном году, Ленка сидела, прямая и напряженная, а я время от времени посматривала на одноклассников.

Помимо нас новеньких больше не оказалось. Все ребята давно друг друга знали. Наверное, поэтому рассматривали нас с неподдельным любопытством. Девчонки шептались, парни вели себя тихо. Но что это была за тишина, я не знала. Ведь перед бурей тоже бывает затишье.

Перед звонком классная, чтоб познакомить нас с ребятами, зачитала список имен из журнала. Конечно, с первого раза я никого не запомнила, Ленка тем более.

Сегодня уроков больше не предвиделось.

Классная попросила ребят помочь что-то куда-то перенести, велела получить учебники тем, кто еще не получил, сказала, что пригласит родителей в ближайшее время. В общем, ничего особенного, все, как обычно.

Класс загремел отодвигаемыми стульями, зашевелился, заговорил. Я вежливо спросила у классной, надо ли нам остаться. Оказалось, не надо. И мы с Ленкой, облегченно вздохнув, поднялись из-за стола.

Толстый парень со смешным хвостиком на затылке, подошел и небрежно уселся на край стола:

– Привет! Добро пожаловать в класс!

Я быстро перебрала в голове список имен, кажется, толстяка звали Никита. Но я могла ошибаться.

– Привет, – ответила осторожно.

Он обрадовался:

– У нас традиция, мы первого сентября всегда гуляем вместе, всем классом. Так что, приглашаю присоединиться.

– Спасибо...

– Ой, а мне надо домой, – пискнула Ленка.

Я посмотрела на дверь и увидела спины последних, задержавшихся.

– Знаешь, мы бы с удовольствием, но сегодня никак не получится, – с сожалением в голосе ответила я.

Он немного растерялся, но быстро сообразил, развел руками, усмехнулся:

– Ну, нет так нет, в другой раз.

Он побрел за нами к выходу и все время хохмил:

– У нас тут вообще не плохо. Сами увидите. Учителя нормальные. Класс у нас тоже ничего. Да, кстати, если вы забыли, меня Никитой зовут, – он протянул большую пухлую ладонь, когда я подала ему руку, чуть сжал мои пальцы. – Вас я запомнил. Ты – Катя, а ты – Лена, верно?

Он был смешной и... даже симпатичный.

– Верно, – ответила я.

– Да, кстати, вы утром на спектакле были? – словно бы ненароком уточнил он. Я кивнула.

– Между прочим, пьеску я написал, – небрежно бросил он. – Ничего особенного, так... сказочка для малышей.

Я промолчала, а он выжидательно посмотрел на меня.

– Ты сказки пишешь? – заинтересовалась я.

– Нет, я в основном поэт, – он вскинул голову и провел ладонью по волосам.

– Надо же...

Я улыбнулась, потому что не знала, что нужно говорить в таких случаях.

Но Никите этого было мало:

– Ну и как вам? – переспросил он.

– Что?

– Сказка, – он немного растерялся.

– А... прикольно... – надо же было что-то ответить. Ленка слегка дернулась и промялила невнятную похвалу.

Никита развел руками и произнес сокрушенно:

– Я так и знал! Они же все переделали! Я говорил, чтоб не трогали текст!

– Не переживай, все здорово. Это же просто сказка для малышей, – напомнила я. Меня рассмешила его реакция, но все-таки что-то в нем было трогательное. И потом, он был первый, кто подошел к нам в новом классе, так что я испытывала к нему благодарность. Надо будет порасспросить его насчет студии. Если он у них местный драматург и сценарист, то, возможно, захочет помочь Ленке.

На первом этаже его окликнул кто-то из преподавателей.

– О! Меня зовут! – многозначительно проговорил Никита. Хотя мы видели, что ребята таскают столы из вестибюля в кабинеты, значит, и Никита тоже нужен именно за этим. Но, глядя на его важный вид, можно было подумать, что преподавательский состав школы остро нуждается в совете и помощи Никиты. Я рассмеялась. Никита, глядя на меня, тоже расхохотался. Даже Ленка хихикнула.

– Ну, пока, – он прикоснулся к моей руке.

– Пока...

– До завтра?

– До завтра.

Никита потрусил по коридору, в одиночку схватил стол и потащил его, не глядя на нас. Он покраснел и даже как будто еще раздулся.

– Какой смешной, – сказала Лена.

– Немного странный, – ответила я.

Глава 2

Никита и новенькие

Когда девчонки скрылись, Никита бросил тяжелый стол, уселся на него и, отдуваясь, вытер лоб рукавом куртки.

– Никита, чего уселся! – крикнул кто-то из ребят.

– А ты попробуй, потаскай, – отмахнулся он.

В ответ засмеялись. Но Никита не обиделся, даже внимания не обратил. Он сидел и думал о новенькой.

Она была такая... Во всей школе такой больше не было, это точно! Для Никиты девчонки делились на его младшую сестрицу, дурынду, одноклассниц-задавак и всех остальных.

Сестрица Анька была младше Никиты на целых три года, но не испытывала никакого уважения к старшему брату! А ведь Никита, можно сказать, вырастил ее. Он вздохнул. А что, ведь было время, когда восьмилетний Никита отводил в садик пятилетнюю Аньку, забирал ее после занятий из танцевальной студии. Родители – люди простые, все время на работе. Едва Никита пошел в первый класс, как оказался в роли няньки для младшенькой.

Как же, она у них звезда! Даже в Европе один раз была, на конкурсе балльных танцев. Вот у родителей крыша и поехала: Аня – то, Аня – сё! Избаловали ее до невозможности. Сплошные капризы и вечное недовольство. Да еще ябедничает постоянно.

«Мама, а Никита в школу проспал!», «А Никита уроки не делал!», «А Никита...». Вырастил на свою голову!

Этим летом Анька была в Крыму вместе со своей студией. Целых двадцать четыре дня! Вернулась такая важная, хоть караул кричи! Только и делает, что рассказывает о своих впечатлениях да фотками хвастается.

Никита сполз со стола, поймал за шиворот пробежавшего мимо мальчишку и велел помочь донести стол до актового зала.

На сегодня работа закончилась. Никитин стол оказался последним.

Ребята из старших классов собрались в актовом зале, оживленно говорили все сразу, то и дело перебивая друг друга. Никита пристроился поближе к своим. На него почти не обращали внимания, и скоро Никите стало скучно.

Да вот беда, делать ему вроде как было нечего. Домой идти не хотелось, там вездесущая сестрица Анька и список поручений, оставленных мамой для него, потому что Анька еще маленькая, к тому же у нее репетиции... «А ты, Никитушка, все равно бездельничает, так что сходи в магазин, вынеси мусор, начисть картошки...». Никита потоптался еще с одноклассниками, а потом вышел вместе со всеми и побрел в сторону дома. А идти-то – рукой подать.

Да еще день такой замечательный, тихий, осенний, с желтыми листьями и солнышком, пробивающимся сквозь облака.

Никита вошел в свой двор и уселся в беседке на детской площадке. Он зажмурился, подставив лицо солнечному лучу, и стал думать о новенькой. Почему-то в классе она ни на кого не произвела особенного впечатления. А может, так показалось... На самом деле класс у них не дружный. Все сами по себе. Если и дружат, то парочками. И вообще, интересных людей, по мнению Никиты, не было. Так, серость... Девчонки глупые и заносчивые, парни... О них Никите даже думать не хотелось, потому что ни с кем из одноклассников у него отношения не сложились. Все его друзья учились в других школах, это были в основном дворовые приятели.

С девушками Никита не встречался. Не везло ему на девушек, а может, внешность подкачала.

Никита снова вспомнил новенькую. Вот у кого внешность, что надо. Все при ней! А волосы какие! Глаза удивительные... Но он тут же спохватился, подумав о том, что внешность в человеке не главное...

А еще он подумал, что надо было попросить номер телефона. Но теперь придется ждать до завтра.

* * *

На следующий день было легче. Во-первых, Ленка уже так не тряслась, во-вторых, я думала, что самое страшное позади.

Так оно и вышло.

Когда мы вошли в класс, кое-кто даже поздоровался. Несколько девчонок, проходя мимо, небрежно кивнули. Я огляделась в поисках Никиты, но его не было. Ленка робко улыбалась и то и дело опускала голову, краснела. Ну, просто девятнадцатый век какой-то!

Я вздохнула и уселась с ней рядом.

Первым уроком была алгебра.

Дверь приоткрылась, показалась взъерошенная голова:

– Можно?

Класс, как по команде, повернулся к двери.

– Андреев, в чем дело? – почти равнодушно спросила учительница.

Никита шагнул в класс:

– Доброе утро, – сказал он и, подумав, добавил: – Извините...

– Не с того год начинаешь, – вздохнула учительница, – входи!

Никита радостно улыбнулся, проскочил к последнему столу у окна, на ходу ухитрился помахать мне рукой, сделав страшные глаза; потом, бросив рюкзак на стул, с грохотом уселся.

По классу прошел смешок, но быстро стих.

Едва прозвенел звонок на перемену, Никита тут же оказался сидящим на нашем столе.

– Ола, амигос! Буэнос диас! Кэтенидо мучо густо эн солидарле! Кэ тал? Кэ ай дэ нуэво? – выдал он.

Я рассмеялась:

– Это по-каковски?

– По-испански, – невозмутимо ответил он.

– Ну, допустим, я знаю, кто такие амигос, а дальше?

– Привет, друзья! Добрый день! Как я рад вас всех видеть! Как дела? Что новенького? – перевел он, – такое бурное испанское приветствие.

– Ты знаешь испанский?! – восхитилась Ленка.

Никита на секунду задумался, а потом признался:

– Честно говоря, это все, что я знаю по-испански, – сказал он и добавил: – Пока.

– А зачем ты так здороваешься? – удивилась Ленка.

– Распушение хвоста перед девушками – есть первостатейная задача любого уважающего себя мачо. – Никита громко рассмеялся.

Мы, глядя на него, тоже.

– Ой, ребята, сейчас же звонок прозвенит! – опомнилась я, – бежим! Никита, ты знаешь, в каком кабинете история?!

Мы подхватили наши рюкзаки и выскочили в коридор. В класс вбежали следом за учительницей.

Первый стол у окна был по-прежнему не занят. Значит, его «закрепили» за нами. Ну, что ж, хорошо.

Когда мы уселись, Ленка шепнула:

– Он обаятельный, правда?

Я покосилась на нее и кивнула.

Да, Никита казался очень обаятельным.

Без него нам, наверное, пришлось бы не слишком уютно. Мы все еще находились в некотором вакууме. Одноклассники не спешили к сближению. В новом классе все были обособлены. И, если бы не Никита, на переменах нам было бы скучно.

Но он неизменно сопровождал нас из кабинета в кабинет, рассказывал школьные новости, хохмил, так что, когда занятия окончились и мы оказались все вместе в школьном дворе, я даже не удивилась тому, что Никита пошел нас провожать.

Ленка, та вообще слушала его, раскрыв рот. Я тоже отметила про себя, что Никита – парень, вполне подкованный. О чем бы я ни заговорила, у него всегда находилось что ответить. Я подумала, что он много читает. Это было приятно.

Никита даже пытался забрать у нас рюкзаки. Но это выглядело бы смешно. Парень с тремя рюкзаками! Мы кое-как отговорили его.

Так, болтая и смеясь, незаметно подошли к нашему дому. У подъезда Никита неожиданно предложил:

– А давайте еще погуляем?

Ленка посмотрела на меня умоляюще.

Я покачала головой:

– У меня еще английский.

У Никиты вытянулось лицо:

– Ну, хоть полчаса! – взмолился он, – посидим в беседке, погода-то какая! Последние теплые деньки!

– Хорошо, – согласилась я.

Мы уселись в беседке на детской площадке, и Никита рассказал, что у них во дворе точно такая же. Они с друзьями собираются там по вечерам, играют на гитарах, поют. И вообще у них весело. Так что, если мы захотим, то...

Я обещала подумать.

Напоследок мы обменялись телефонами.

Я догадалась спросить, где живет Никита, оказалось, совсем рядом, чуть ли не в соседнем дворе.

У меня действительно совсем не оставалось времени, поэтому пришлось распрощаться.

Весь день от Никиты приходили смешные SMS-ки. Я отвечала по возможности.

А вечером позвонила Ленка и, тихонько хихикая, сообщила о том, что только что долго беседовала по телефону с Никитой.

– Он звал погулять, но ты же знаешь, вечером меня родители за порог не выпустят. А мне ужасно хочется! Может, придумаешь что-нибудь? А?

Я обещала. А сама подумала: «Уж не влюбилась ли тихоня Ленка?».

Лично я влюбляться не собиралась.

Глава 3

Он влюбился

Сомнений не было. Он влюбился. Никита понял это, когда подошел к своему подъезду. В любви он считал себя большим знатоком. Это чувство посещало его уже дважды. Первый раз – в детском саду. Имени девочки он не запомнил. Она была самая большая в группе и самая толстая. У нее были рыжие волосы и веснушки. Никита тогда заявил маме, что женится на этой девочке. До нее он собирался жениться только на маме.

Потом детсадовский роман закончился, девочка куда-то испарилась из его жизни. Зато появилась другая. Вот ее Никита помнил отлично! Она была намного старше его, то есть он – жалкий первоклашка посмел влюбиться в восьмиклассницу. Это случилось в деревне, где жила бабушка Никиты и куда его упорно отправляли каждое лето.

Девочку звали Валя, ее дом был по соседству с бабушкиным. И Никита удивительно быстро с ней подружился.

Дело в том, что у Никиты была двоюродная сестра – ровесница Вали. Благодаря ей Никита и познакомился со своей второй любовью.

Все лето он провел, сидя на крыльце своей избранницы. Он, как мог, ухаживал за ней, безропотно выполнял мелкие поручения и был невообразимо счастлив, когда красавица Валя брала его с собой в деревенский магазин или на станцию. Иногда девчонки смеха ради приглашали его с собой в кино.

В такие дни Никита особенно тщательно готовился, умывался, надевал все самое лучшее, что у него было, и старался вести себя по-взрослому. Он вышагивал рядом, засунув руки в карманы штанов, сплевывал, старался говорить грубым голосом, к месту и не к месту подавал руку Вале. Она посмеивалась добродушно, но никогда не отвергала его руки. С каким же достоинством подавала она свою большую, совсем женскую ладонь, уже огрубевшую от работы на огороде, но с накрашенными ногтями, как поводила плечами и улыбалась!

Вот это была любовь! Ради нее Никита сносил насмешки окружающих, ради нее он, чтоб казаться взрослее, даже пробовал курить. Он заворачивал в обрывок газеты сухие листья, поджигал самокрутку и бесстрашно наполнял рот едким дымом. Дым вызывал тошноту, от него раздирало в горле и наворачивались на глаза слезы, но Никита упорствовал до тех пор, пока Валя не отобрала у него вонючую самокрутку и, тщательно затушив, не выбросила в мусорное ведро.

Она отругала его и даже пригрозила, что если он еще станет курить, то она его прогонит. У Никиты было много соперников. По вечерам к Валиному забору подъезжали парни на мотоциклах и отчаянно сигналили. Валя иногда выходила к ним, разговаривала, перешучивалась, но никогда ни с одним не ездил кататься. Никита очень гордился этим. И еще, он гордился собой. Ведь никому из этих взрослых парней не позволено было сидеть на Валином крыльце! А он, семилетка, проводил рядом с ней столько времени, сколько хотел.

Валя была правильной девочкой, во всех отношениях!

Перед самым отъездом Никиты она подарила ему книжку норвежских сказок «На восток от солнца, на запад от луны». Никогда еще Никите не приходилось читать таких странных, загадочных и таинственных сказок. Эта книжка цела до сих пор. Никита перечитывает ее время от времени и держит на полке вместе с самыми любимыми книгами.

А через год, окончив девятый класс, Валя уехала из родной деревни и поступила в колледж. Так что летом им не пришлось встретиться. Никита сначала сильно переживал, но потом как-то постепенно забылась и эта любовь. Только однажды, когда Никита узнал о замужестве Вали, что-то легонько кольнуло его в самое сердце. Наверное, сожаление.

Потом Никита все время подсознательно искал девочку, похожую на Валю. Но ему не везло. Таких больше не было.

Однажды, правда, он познакомился с девушкой. Она была намного старше, Никита не знал, на сколько. С ней Никита познакомился в больнице. Они вместе лечились в отделении гастроэнтерологии. Девушку звали Светланой, она ходила в потрясающем бордовом халате и домашних туфельках такого же цвета. На фоне старушек, испитых мужчин и хмурых теток Светлана казалась нереальной красавицей. Она даже красилась! Это в больнице-то! Видимо, ей было безумно скучно, и она частенько разговаривала с Никитой. И снова Никита старался вести себя по-взрослому и временами даже сам себе казался таковым. Но потом скучающую красавицу выписали, и они больше никогда не виделись.

А вообще, на девчонок Никите не очень везло. В начальных классах он был толстым, его даже называли жиртрестом. Какие уж тут девчонки?! Потом он вытянулся и похудел, но не настолько, чтоб выглядеть красавцем. Случалось, он ловил на себе насмешливые взгляды одноклассниц или презрительные – родной сестренки, у которой была точеная фигурка. И... отвечал им всем тем же – легким презрением.

С друзьями они давно уже решили, что никакая девчонка не может заменить настоящей мужской дружбы.

И вот шаткое равновесие нарушилось. Появилась Она.

* * *

Утром я столкнулась с Никитой у подъезда. Увидев меня, он смущенно улыбнулся:

– Привет, красивая!

– Привет. Что, сегодня решил здороваться по-русски? – я сделала вид, что пропустила «красивую» мимо ушей, хотя было очень приятно.

Он пожал плечами.

– А ты сегодня рано, – заметила я.

– Так я стараюсь брать пример с тебя, – отшутился он. – Пойдем?

Из соседнего подъезда выбежала Ленка. Заметив Никиту, резко затормозила и пошла к нам навстречу медленно, подняв голову и стараясь прямо держать спину.

– Доброе утро, мышонок, – приветствовал ее Никита. Ленка зарделась, суетливо поправила волосы, прикоснулась к очкам на носу, зашмыгала носом:

– Ой, привет! – проговорила она, окончательно смутившись.

Наше появление в классе не осталось незамеченным. Девчонки тут же стали шушукаться, ребята переглядывались, многозначительно поднимая брови. Я развеселилась. Общение с Никитой явно шло нам на пользу и добавляло популярности.

На перемене к нам подошли девчонки:

– Ну как, осваиваетесь? – спросила одна из них.

– Да, все нормально, – я доброжелательно улыбнулась, хотелось произвести приятное впечатление, тем более, что я узнала ее, это была одна из тех девочек, которая играла в сказке.

Никита маячил за спинами одноклассниц и старался привлечь к себе мое внимание, но его безжалостно оттерли.

– Ты ведь Катя? Так? – спросила девочка, – а ты Лена? – она повернулась к Ленке.

Мы согласно кивнули.

– Я – Ксения, – представилась она. Остальные девчонки тоже назвали свои имена. Мы вышли из класса, окруженные плотным кольцом одноклассниц. Никита плелся сзади.

Как только мы попали в следующий кабинет, прозвенел звонок. Девчонки расселись по своим местам, а Никита, улучив момент, сунул мне записку.

«Теперь тебя возьмут в оборот. После школы вместе?» – говорилось в ней. Я обернулась к нему. Никита сидел, уткнувшись подбородком в сложенные на столе руки. Заметив, что я смотрю на него, встрепенулся, поднял голову, посмотрел вопросительно. Я подняла большой палец. Он сразу же радостно закивал.

Ленка толкнула меня локтем в бок:

– Что он написал? – шепнула она. Я показала ей записку. Ленка хихикнула. А потом задумалась о чем-то и даже как-то отстранилась от меня.

Девчонки не отставали. На следующей перемене мы уже вовсю болтали. Я рассказывала о своей прежней школе, о том, чем занимаюсь, чем увлекаюсь, и прочее. Расспрашивала Ксюшу и других о классе, школе. Потом заговорили о том, кто где отдыхал летом. Я рассказала, как мы с мамой ездили по Европе на автобусе. Есть такой тур. Мама его назвала «Галопом по Европам». Так и есть. Я почти ничего не запомнила. В Париже, например, уже так устала, что все проспала, хотя мама тормозила меня и уговаривала хоть куда-нибудь сходить. Но в Лувре я все-таки побывала, правда, ничего не запомнила. Наверное, надо месяц прожить в Париже, чтоб понять, что такое Лувр.

Зато потом, в июле, родители отвезли нас с двоюродной сестрой в Крым, поселили у знакомых, а сами уехали, потому что надо было на работу. А мы больше месяца были предоставлены самим себе и оттягивались по полной программе!

Ленка все лето просидела на даче, потому что ее родители готовились к переезду, и им было не до отпуска. Тема оказалась благодатная. Все разом заговорили о лете, об отпусках, деревнях, Турции, Кипре, Египте, Краснодарском крае. Кто-то даже ухитрился побывать на Байкале.

Ксюша поинтересовалась, кем работают мои родители. Я ответила:

– Мама – главный бухгалтер в совместной с бельгийцами фирме, а папа – строитель.

У Ксюши родители оказались врачами. Ленка, стеснясь, сообщила, что ее папа и мама преподаватели в разных институтах. Вообще же, я узнала, что у большинства ребят мамы не работают, а если и работают, то в основном с финансами, как и моя мама. У некоторых отцы оказались владельцами собственного бизнеса, были и строители, а также инженеры, был даже один журналист.

В какой-то момент я вспомнила о Никите, поискала его глазами, но рядом его не оказалось. И в общем разговоре он не участвовал. Конечно, ему-то все про всех было известно. Но нам с Ленкой очень хотелось узнать об одноклассниках побольше. Ничего, с Никитой мы еще успеем пообщаться.

Но после уроков Никита неожиданно исчез. Ленка все время оглядывалась, искала его. Домой мы пошли в окружении одноклассников, распрощались почти у самого дома.

Ленка уже скрылась за дверь. Когда я подошла к подъезду, меня окликнули. Это был Никита. Оказывается, он ушел раньше всех и терпеливо поджидал в беседке.

– Как прошел день? – довольно хмуро спросил он, подойдя ко мне.

– Не без пользы, – ответила я, – а ты почему ушел?

Он хотел что-то сказать, но вдруг запнулся, передумал и выдал:

– Знаешь, иногда человеку необходимо побыть одному. Чтоб просто помолчать.

– А я думала, что ты любишь поговорить. – Когда Никита хотел казаться серьезным, он выглядел смешно, и я улыбнулась.

– Иногда я строю из себя клоуна, – вздохнул Никита, – но все время быть клоуном тяжело. Надо и погрустить, знаешь ли... И потом, все эти разговоры...

– Ты о чем? – удивилась я.

– Курятник! – поморщился Никита и стал передразнивать девчонок, – ой, я была в Турции, – кривляясь, пищал Никита, – мы с родителями жили, таком миленьком отеле!

Я рассмеялась:

– Не любишь ты одноклассников!

Он шумно выдохнул:

– А за что мне их любить? Скучные люди!

– Кстати, а ты что делал летом? – мне хотелось перевести разговор на более приятную тему.

Никита качнулся на носках, посмотрел вверх и ответил:

– Я, знаешь ли, не любитель пляжного отдыха.

– А-а-а, – протянула я, – море не любишь?

– Почему, море я люблю...

– Так в чем же дело? – я не понимала, к чему он клонит.

– Ты действительно хочешь знать, что я делаю на каникулах? – спросил он.

– Если это не секрет...

– Я уже несколько лет занимаюсь альпинизмом, – он сказал это нехотя. А я так удивилась, что даже рот открыла. Вот это да!

– Мы тренируемся на склонах, в пригороде или на специальных тренажерах, – объяснил он. – А летом выезжаем куда-нибудь и совершаем восхождение.

– Здорово! – Я все еще не могла прийти в себя после такой новости.

Никита воспользовался моим замешательством, взял за руку и предложил:

– Пойдем, посидим в беседке?

И я послушно пошла за ним. Английского у меня не было. Так что день был относительно свободен.

Мы поставили свои рюкзаки и уселись рядом. Мне нетерпелось расспросить Никиту поподробнее о его увлечении альпинизмом. Это было так романтично! Ведь до сих пор я ни разу не встречалась с настоящими альпинистами.

Я засыпала его вопросами: «А давно ты занимаешься?», «а девчонки у вас есть?», «а что нужно для того, чтоб взяли в эту секцию?».

Никита отвечал обстоятельно: занимается он около года, только это не секция, а клуб, девчонок у них две, правда, они «никакие».

– Знаешь, есть такая поговорка, – важно добавил Никита, – либо ты идешь в горы, либо ты идешь с женщиной, но уже все равно куда... Наш тренер любит ее повторять.

Я немного обиделась:

– Отчего же ваш тренер так плохо относится к девчонкам. Я знаю, что альпинисток сейчас довольно много, да и вообще, среди женщин есть замечательные спортсменки. Это же просто дискриминация по половому признаку!

Никита крикнул и попытался оправдаться:

– Ведь это же не я так считаю, а наш тренер...

– Ну и глупо, по-моему, – я не собиралась отказываться от своих слов.

– И все-таки с парнями работать легче, – мягко заметил Никита.

Я с сомнением посмотрела на него. Да, с таким, как он, в связке будет тяжело, вес-то у него большой. Интересно, ему кто-нибудь говорил, что надо бы сбросить несколько килограммов?

Никита словно прочитал мои мысли:

– Ты не смотри, что я такой крупный, – сказал он, – у меня конституция такая. К тому же я еще занимаюсь русским кулачным боем. – Он засопел и добавил: – У меня даже есть юношеский разряд.

Я опешила. Ничего себе! И когда только он все успевает? А с виду и не скажешь, что спортсмен. Я бы точно не подумала, Никита казался рыхлым, без какого-то намека на мускулы. Но внешность часто бывает обманчива.

– Борьбой я давно занимаюсь, – признался Никита, – в детстве я часто болел, подолгу лежал в больницах, лечился в санаториях. И, чтоб как-то себе помочь, пошел в спорт. А данные у меня как раз для борьбы.

Он просто не переставал меня удивлять! Надо же, такой интересный человек! Столько всего знает и умеет!

Потом мы еще долго гуляли, бродили по осенним улицам, не обращая внимания на мелкий дождик. Прятались под навесами магазинов, рассматривали людей и витрины, забрели в парк, Никита попытался набрать для меня букет из разноцветных листьев, но они все были мокрые, а ветки с деревьев я не разрешила ломать. Я так увлеклась, что напрочь забыла о домашнем задании. Вспомнила, что надо домой, когда уже начало темнеть. Одежда и рюкзак порядком отсырели, да и туфли изрядно промокли. Но все равно мне было так весело, что я не замечала ни сырости, ни дождя, ни холода.

Никита проводил меня до подъезда, и мы договорились, что завтра он снова зайдет за мной перед школой.

Маме я заявила, что у нас в классе учится потрясающий парень, спортсмен, и что он мне очень нравится.

Мама сказала, что рада за меня, но на будущее посоветовала брать с собой зонтик, чтоб не ходить в мокрой одежде.

В общем, день прошел замечательно. Отличный был день, правда, вечером позвонила Ленка и обиженно заявила, что видела нас с Никитой в окно. Я не нашлась, что ответить. Попыталась вяло оправдываться, мол, заболтались и все такое. Сообщила, что утром Никита зайдет за нами.

– В конце концов, ты могла оказаться на моем месте, – может, прозвучало и не очень убедительно, но это был последний аргумент. Ленка посопела в трубку и со вздохом сказала «до завтра». И чего она обиделась?

Глава 4

Домашний тиран и мачо

Никита сидел у телефона и, не отрываясь, смотрел на него. На столе, брошенные и забытые, лежали тетради и учебники. Никита очень честно хотел сделать домашнее задание, но... Не сложилось.

Он погрузился в мечтания, по своему всегдашнему обыкновению. В квартире уже давно господствовали сумерки, но Никита не удосужился включить свет.

Он не слышал звук поворачиваемого ключа в замке, не слышал, как хлопнула дверь, поэтому, когда в комнате вспыхнул свет, Никита вздрогнул и испуганно уставился на сестрицу Аню.

– Фу! – выдохнул он, – напугала!

– Интересно! – неодобрительная гримаска исказила симпатичное личико девочки. – Что это ты делаешь в темноте?

Она стояла, слегка опираясь на дверной косяк, стройная, маленькая, в коротком пальтишке и кокетливой шапочке в тон. Настоящая барышня, маленькая женщина. И в кого только уродилась такая? Среди многочисленной Никитиной родни не водилось утонченных девочек, девушек и женщин. В основном грузные деревенские бабы, едва получившие среднее образование. Его мама была единственной из семи сестер, выучившейся в институте. Благодаря тому, что в шестнадцать лет уехала из родной деревни, куда глаза глядят.

Папа тоже – выходец из провинции. Правда, там семья была побогаче, поэтому родители выучили обоих своих сыновей.

Если допустить, что родители Никиты стали интеллигентами, то Анька – интеллигентка во втором поколении. Ха! Смешно!

Интеллигентов Никита не любил и всячески презирал. Он даже сам себе не смог бы объяснить, почему. Но все, как ему казалось, интеллигентные девочки вызывали у него стойкое отвращение. Они были манерными, неискренними, слабыми, и с ними совершенно невозможно разговаривать. Как будто они обитали в каком-то своем особом мире.

Нет, у Никиты другой идеал: высокая, красивая, волосы длинные и так блестят, что все время хочется потрогать рукой, какие они на ощупь. А когда они намокают под дождем, то становятся похожими на рисунок тушью, как у японцев на рисовой бумаге. Походка у такой девчонки уверенная, она не семенит, не жалуется на усталость. Смеется, когда смешно, не дура. И еще... Никита все думал, что же еще можно добавить к портрету. Ничего не придумывалось, кроме того, что она была красавицей, на вкус Никиты, конечно.

Анька громко вздохнула, повернулась резко и вышла, хлопнув дверью.

– А повежливее нельзя? – крикнул Никита вслед.

– Перебьешься! – парировала сестра.

Никита слышал, как она разделась, потом в ванной включала воду, громыкала чем-то на кухне. И все это стремительно, как будто по квартире носился маленький смерч.

Никита постарался абстрагироваться и потянулся к дежурному блокноту, куда он записывал собственные умные мысли. Часто мысли становились стихами. Никита любил придавать фразам ритмические формы, тогда они звучали совершенно по-другому. Правда, своих стихов он никому еще не показывал. Если не считать нескольких песенок, написанных ради смеха по просьбе друзей...

– Никита, ты хлеба не купил?

Анька приоткрыла дверь и просунула голову в проем.

– Что?! – возмутился Никита.

– Я спрашиваю, – невозмутимо продолжила Аня, – почему ты не купил хлеба?
– Ты достала! – рявкнул брат, – выйди! И в следующий раз стучись, когда хочешь войти!
– И не подумаю! – взвизгнула сестрица. – Посмотрите, какой фон барон нашелся! Тебя мама просила купить хлеба, а ты даже этого не удосужился сделать. Хоть бы мусор вынес!
– Сама вынеси!
– Не буду! Сегодня твоя очередь!
– Сгинь! – Никита вскочил и угрожающе двинулся на сестру.
– Ой-ой, напугал! Не очень-то я тебя боюсь. Вот придут родители...
Закончить она не успела. Никита резко вытолкнул ее, захлопнул дверь перед носом и навалился на нее спиной.

Но Анька и не думала сдаваться:

– Справился, да? – кричала она из-за двери. – Ты бы лучше с учебой справлялся, домашку опять не сделал? Бездельник!

– Сама такая, – вяло огрызнулся Никита, ему стало тоскливо.

Скоро придут с работы родители, ябеда Анька снова нажалуется, весь вечер ему будут читать нотации... Нет, лучше сбежать к друзьям.

Никита вышел в коридор и, стараясь не обращать внимания на язвительные выпады сестры, сунул ноги в кроссовки, надел куртку и сбежал с поля боя.

* * *

Утром Никиты не было. Ленка ждала меня на улице. Судя по тому, что у нее покраснел нос от холода, она караулила Никиту не менее получаса. То, что он не явился, Ленку не расстроило, казалось, даже обрадовало. Я же беспокоилась, но виду не подавала.

Он снова опоздал.

Первым уроком была литература. Ее вела классная. Она пригрозила Никите, что позвонит родителям. Никита только вздохнул и, опустив голову, медленно побрел на свое место.

На перемене я спросила, почему он опаздывает. И Никита таинственно сообщил: «репетировали...».

– Снова спектакль? – не поняла я.

– Нет, концерт, – он посмотрел на меня со значением. – Но это – тайна! Так что пока – никому! – для пущей важности он приложил палец к губам.

Я немного растерялась, хотелось расспросить и узнать побольше, но я не знала, можно ли.

Весь день Никита ходил задумчивый и важный. Я видела, как он то и дело что-то записывает в блокнот. На уроках он был рассеян, на переменах не хохмил и вид имел ужасно загадочный.

Ленка приставала ко мне с вопросами: «какой концерт?», «что за репетиция?». Но я-то откуда могла знать?!

После уроков Никита снова пошел нас провожать. Ленка не выдержала:

– Никита, а что вы репетируете?

Он закатил глаза, задумался, потом встряхнул головой, словно на что-то решился:

– Видишь ли, мы готовим свою программу. Если все пойдет хорошо, то сможем записать диск.

Ленка ахнула:

– У вас свой ансамбль! И кто солист?

Никита остановился и слегка поклонился нам.

– Ты! – восхитилась Ленка, – подумать только! И что ты поешь?

– Свои песни, – скромно ответил Никита.

– Ой, как это здорово! – Ленка смотрела на него с немим обожанием. – А нам можно послушать?

– Я как-нибудь приглашу вас на репетицию, – Никита как будто намеренно старался говорить низким голосом. От этого слова звучали напыщенно, ненатурально. Я поймала себя на мысли, что мне хочется немного подшутить над нашим приятелем:

– Вы в беседе репетируете? – спросила я.

Никита не растерялся:

– Мы – музыканты, репетируем, когда и где придется, – парировал он. – А ты думала, что репетировать можно только в студии? – он горько усмехнулся.

– Извини, я не хотела никого обидеть, – мне стало неловко.

– Ничего, я привык, – вздохнул Никита. – Творческого человека редко принимают всерьез. Даже самые близкие люди зачастую не понимают его...

Чтоб как-то загладить свою оплошность, я поинтересовалась:

– Как называется ваша группа?

– «Крейсер», – быстро ответил Никита. – Только нас еще мало знают. Так, кое-где, по клубам...

– Давно играете?

– Около года. У нас немного плавающий состав. Постоянных исполнителей четверо.

– Извини, Никита, мне действительно интересно послушать. Пригласи нас с Леной, когда сочтешь нужным.

– Я посоветуюсь с ребятами, – пообещал Никита.

День у меня был расписан по минутам, поэтому я поспешила домой, оставив Ленку наедине с Никитой, хотя мне очень не хотелось этого делать.

Что и говорить, все мои мысли были заняты необыкновенными способностями Никиты. Я едва слушала преподавателя английского. И вообще была слишком рассеянной.

Я думала: кулачный бой, альпинизм, музыка, поэзия, да еще и в школу ходить надо! С другой стороны, талантливый человек талантлив во всем. Обязательно пойду к нему на репетицию, схожу на соревнования, попрошу почитать стихи. Все, что он делал, было так интересно, так необычно, так заманчиво! Он жил такой яркой, насыщенной жизнью, о которой только в книжках пишут. Надо непременно узнать о нем побольше. Кто его родители, где он живет, кто его друзья. Наверное, у него много поклонниц, не может быть, чтоб за таким парнем не бегали девчонки. Взять хотя бы Ленку: повелась почти сразу!

Ну, я-то так просто не попадусь! Я уже ученая. И парень у меня был, так что я знаю, что это такое – влюбиться. Нет, нет и еще раз – нет!

Ой, но как же хочется, чтоб Никита пригласил на репетицию! Уж теперь-то я ни за что не откажусь.

С этой мыслью я прожила день, с ней и уснула.

Глава 5

Ленка вступает в игру

Ленка влюбилась!

Надо быть слепой, чтоб не заметить.

И в классе все с удовольствием смаковали подробности. Надо же, благодаря нам этот несчастный класс сдружился. Хоть какая-то польза!

Конечно, со стороны это могло показаться смешным, но мне было не до смеха.

Ленка ходила за Никитой с таким восторженным выражением на лице, что за нее даже как-то неловко становилось.

Она говорила только о Никите, интересовалась только им и думала, по-моему, тоже только о нем.

После того злополучного вечера, когда я оставила их вдвоем, у Ленки совсем поехала крыша от любви. Я как чувствовала!

Ну и что мне надо было делать?

Единственная подруга, и на тебе, – влюбилась в моего парня! Ну, то есть не то, чтобы в моего, но... Я же вижу, что нравлюсь Никите, значит, он мне отдает предпочтение. И Ленка здесь совсем ни при чем.

Сначала я пыталась выпросить у нее, о чем они говорили и что делали в тот день. Но Ленка упорно скрывает.

По школе и после уроков мы по-прежнему ходили втроем.

Не очень-то приятно чувствовать себя объектом усиленного внимания со стороны одноклассников, да и не только одноклассников. Порой мне казалось, что за нами с интересом наблюдает вся школа, начиная с самого мелкого первоклашки и заканчивая солидными выпускниками.

Наверное, если бы мы не были новенькими, нам было бы легче.

К тому же приходилось постоянно подтверждать свои прежние оценки. Это, видимо, прикол такой у учителей. Раз в старой школе ставили пятерки, надо выяснить, не зря ли? Возможно, мне так казалось, но ко мне предъявляли повышенные требования. Будто я сдавала бесконечный экзамен.

Мне поблажки не нужны, и липовых оценок я никогда не получала. Но в старой школе я училась как бы автоматически. Так повелось, отличница с первого класса. А в новой школе мне словно никто не верил.

Приходилось все время быть начеку. Столько всего навалилось! Домашнее задание, курсы английского, да еще школа менеджмента. Неделя расписана по минутам!

Между прочим, раньше, до четырнадцати лет, я еще и на танцы ходила, но потом бросила. Я много чем интересовалась. Но быстро понимала: это не мое! С выбором окончательно определилась только в этом году. Решила серьезно готовиться на экономический и, разумеется, учить иностранный язык!

Ленке проще, у нее родители – преподаватели в институте. Папа вообще профессор. Языками с ней мама занимается, а больше Ленке ничего и не надо, она в инъяз собралась после школы. Но это так, для всех. А на самом деле она мечтает о театральном, только родителям не говорит, боится.

Когда она узнала, что в новой школе театральный кружок есть, обрадовалась. Днем, мол, родители на работе, и она может тайком от них заниматься любимым делом.

По крайней мере, она мне так сказала. И еще добавила: «Никита для кружка пьесы пишет, он может мне помочь, поговорит с ребятами...»

Никита, Никита... снова Никита.

Может, я чего-то не знаю? Может, Ленка ему больше нравится?

И что я должна была делать? Молчать? Нет, так уже было, молчанием ничего не добьешься, кроме депрессии.

Глупость какая-то.

Если Ленку так интересует театральный кружок, то почему не подойти к ребятам и не спросить самой?

Нет, она все ждала, что ее пригласят... Тогда я сама спросила у Ксении, принимают ли они еще актеров.

– Да, пожалуйста, – обрадовалась она, – у нас же всего семь человек, а этого мало. Мы могли бы и большие спектакли ставить, но кто их играть будет? Так что, приходи, будем рады.

Вот так, она думала, что это я хочу заниматься у них в кружке! Я конечно сразу же сообщила, что узнаю для Лены. Энтузиазма у Ксении поубавилось, но она постаралась не показать виду, что разочарована.

Я узнала расписание занятий и передала Ленке. Она кивнула рассеянно и все.

Время шло, но ничего не менялось. Ленка все еще не записалась в кружок и не посещала репетиций. Она по-прежнему повсюду бродила за нами и вздыхала, слушая Никиту.

Я мучилась, потому что постоянно оставляла их вдвоем, ведь мне надо было посещать свои бесконечные курсы.

* * *

Никита терпеливо сносил присутствие второй девчонки, но в конце концов она стала раздражать его.

Он искал разные способы, чтоб избавиться от назойливой подружки. Но как от нее избавишься? Ведь не скажешь же: «Отстань, мне надо поговорить с твоей подружкой». Еще, чего доброго, неправильно поймет. И чего она привязалась?

Девчонки вообще ведут себя странно. Они все время куда-то убегают, спешат, а может, они просто делают вид, что спешат? А на самом деле нет у них никаких дел. Как узнать, что у нее в голове: то ли она просто хочет поскорее избавиться от Никиты, то ли в старой школе остался какой-нибудь парень, с которым она продолжает встречаться.

Надо попробовать разговаривать, не одну, так другую.

Затея с «разговариванием» провалилась. Катя говорила много, но все не о том, что было интересно Никите. А Ленка вообще молчала или вздыхала. Смотрит, глазами хлопает и со всем соглашается.

Однажды он целый час разглагольствовал, заврался совершенно, так Ленка ни слова не проронила. Когда Никита выдохся, спросил: «Ты не замерзла?». А день, между прочим, холодный был, с дождем и ветром. В беседке было сыро и неудобно. Ленка прятала руки в карманы куртки, поеживалась, но терпеливо сидела и слушала.

Никита решил, что Ленка просто из вежливости не уходит домой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.